

Ковры и мугам: искусство известного ковроведа Лятифа Керимова

Имя народного художника Азербайджана Лятифа Керимова, 100-летие которого в 2006 году отмечалось в рамках ЮНЕСКО, хорошо известно в мире как выдающегося специалиста, эксперта в области коврового и, шире, орнаментального искусства.

Лауреат Сталинской премии первой степени (1950), Лятиф Керимов известен как основатель первого в мире Музея Ковра, как автор трёхтомного фундаментального научного труда "Азербайджанский ковер", в котором им была доказана принадлежность Азербайджану многих ковров персидской и кавказской группы.

Особое место в его жизни занимала музыка, мугамное искусство.

Уроженец Карабаха, Шуши, известных своими музыкальными талантами, Лятиф Керимов даже в довольно почтенном возрасте негромким, но проливным голосом напевал отрывки из мугамов, свое чувство их глубины и своеобразия.

По его признанию, в юности, дивя по семейным обстоятельствам в Иране, он был одним из лучших учеников медресе по чтению нараспев Корана, особенно ему удавались мугамы Хиджаз, Махур, Сегях. Но наиболее сильные эмоции вызывал в нем мугам Баяты-Юрк: юный Лятиф не мог без слез слушать и исполнять Баяты-Юрк, при звучании этого мугама он острее ощущал свою отдалённость от родной страны.

Неслучайно, именно Лятиф Керимов был одним из первых по достоинству оценивших замечательную, своеобразную интерпретацию мугама Сегях тогда еще молодого, а впоследствии известного во многих странах мира талантливого кеманчиста Габилы Алиева. Благодаря А. Керимову за музыкантом закрепилось почётное прозвище "Габиль-Сегях".

Музыка, мугамы сопровождали Лятиф мугалима и в других областях жизни. Так, например, в молодые годы, в Иране, он посещал спортивные занятия в Зорхане "Доме Силы". Здесь проходили подготовку силовые спортсмены-атлеты, выступавшие в спортивно-музыкальных зрелищных мероприятиях. В то же время в участниках воспитывались и высокие моральные качества: великодушие, сострадание, щедрость, скромность. Физические упражнения выполнялись с различными спортивными снарядами, тяжёлыми предметами, такими как гири ("санг"), палицы ("сино"), разновидности копий ("мил", "низе", "каббадз").

Специфика этих занятий заключалась в том, что каждое упражнение выполнялось на фоне специально подобранного музыкального (чаще вокального) и ритмического сопровождения на ударном инструменте. Содержание и эмоционально-эстетический характер исполняемых фрагментов вокального ритмического мугама и других традиционных вокальных жанров определялись заранее, в соответствии с характером и ритмом сменяющихся физических упражнений.

Безусловно, для успешного выполнения этих сложных упражнений необходимы были особые физические и музыкальные способности, которыми обладал А. Керимов. В этот же период в Иране, в театральном кружке он участвовал в постановке на языке фарси музыкальных комедий Узеира Гаджибекова.

Познания А. Керимова в музыке не ограничивались мугамным искусством. Острым музыкальным слух и чувство ритма помогали ему и в дискуссиях со специалистами-арузоведами, когда возникали спорные ситуации по определению вида и способа декламации стихотворения, написанного в поэтическом размере аруз: в данной ситуации большое значение имеет точное ощущение долготы и краткости гласных, а также длительности пауз между словами.

Вместе со своим другом известным арузоведом, профессором Акромом Джафаром, А. Керимов часто обсуждал особенности восточной классической поэзии. Они даже читали на память стихи на фарси и азербайджанском языках Г. Тебризи, Фирдоуси, Хагани, Низами Гянджеви, Омар Хайяма, Хафиза Ширази, Имадедина Насими, Сейид Азима Ширази.

Несмотря на то, что он не был профессиональным музыкантом, его, как представителя азербайджанской культуры, патриота страны всегда беспокоила неузрелость проблем истории музыки Азербайджана прошлых веков, отсутствие научных исследований богатого музыкального наследия азербайджанского народа.

Лятиф Керимов был одним из первых в Азербайджане, кто опубликовал статью о жизни основателя восточной музыкально-теоретической системной школы, выдающегося азербайджанского ученого-музыканта XIII века Сафиаддина Урмави. Многогранному образу Сафиаддина Урмави он посвятил и ковер.

Отдавая дань уважения памяти своему учителю по образительному, искусству, талантливому иранскому художнику XX века Хусейну Бехзаду Тахирзаде (1894-

1968), портретную часть ковра А. Керимов выполнил на основе его картины "Сафиаддин Урмави". Все остальные фрагменты ковра явились оригинальным авторским решением Керимова.

В сюжете ковра проявились глубокие знания А. Керимова истории музыкального искусства Востока: портрет ученого-музыканта изображен на фоне двух редких струнных музыкальных инструментов - нузха и мугни, их изобретение приписывается самому Урмави. Описание и рисунки этих инструментов впервые были зафиксированы в рукописях XIV века: в трактатах о музыке анонимного автора (на арабском языке), Хасана Кашани (на фарси) и автора XV века Ахмедоглу Шукруллаха (на тюркском). Впоследствии эти рисунки были опубликованы в статье известного турецкого музыковеда Рауфа Екта Бея (1871-1955) и британского музыковеда-востоковеда Генри Джорджа Фармера "История музыки Ислама в изображениях".

Ковёр

("Сафиаддин Урмави" Лятифа Керимова, 1975 г. Под портретом - буквенное обозначение 17-ти ступенного звукоряда. Фоном для портрета служат изображения, созданных Урмави инструментов мугни и нузха)

На ковре, под портретом Урмави были вытканы 17 буквосочетаний арабского алфавита - системы "абджад", они представляют собой своеобразную средневековую нотную письменность, созданную Сафиаддином Урмави. Ниже были отмечены даты жизни и имя ученого-музыканта на азербайджанском и арабском языках.

А. Керимов справедливо считал, что помимо исследования творчества Урмави, важным условием для воссоздания истории науки о музыке Азербайджана является изучение теоретических трудов и другого выдающегося средневекового азербайджанского ученого - Абдулгадаира Мараги (1353-1455).

О роли этого ученого в развитии музыкального искусства Ближнего и Среднего Востока писали в своих статьях как зарубежные, так и отечественные исследователи.

Если о научной и творческой деятельности Урмави уже в то время было издано несколько трудов с комментариями на восточных и европейских языках, то специальное научное исследование, посвященное творчеству Мараги, еще не было написано.

Изданный в Иране в 1966 году вариант небольшого трактата "Магасид аль-альхан" ("Цельназначение мелодий"), хотя и был заметным событием в музыкальном источниковедении, но он не восполнил в достаточной степени имеющийся пробел в истории музыки. Оригиналы рукописей Мараги, написанных на фарси, хранились в библиотеках Турции, Ирана, Великобритании и других зарубежных стран. Отсутствие этих рукописей в Азербайджане побудило А. Керимова искать возможности для приобретения фотокопий и микрофильмов этих трактатов. Многие из них были присланы ему в дар, как эксперту по ковровому искусству, интересующегося историей музыкального искусства Востока.

В 1972 году в связи с необходимостью работы сотрудников отдела музыкального искусства с архивными материалами, написанных на азербайджанском языке арабским шрифтом, Лятиф Керимов, по просьбе дирекции Института архитектуры и искусства, стал вести занятия в отделе музыки по изучению старинного алфавита и персидского языка. Несмотря на загруженность своей творческой и научной работой, Лятиф Керимов проводил занятия неторопливо и внимательно. Надежда, что в дальнейшем кто-то из сотрудников реализует его многолетнюю мечту - займется исследованием средневековых трактатов о музыке Азербайджана, и в частности трактатов о музыке Абдулгадаира Мараги - не оставала его.

Безусловно, осуществление этой идеи было сопряжено с большими сложностями. На занятиях в музыкальном отделе, только начинали изучать азы современного персидского алфавита и языка. А трактаты Мараги были написаны на языке фарси 600-летней давности, со специфическими для того периода лингвистическими и терминологическими трудностями, текст изобилует музыкально-теоретическими рассуждениями, схемами и таблицами.

Более того, имеющийся материал представлял собой трудночитаемые фотокопии или микрофильмы рукописей, а не современные печатные издания. И тем не менее, начало было положено.

В процессе исследования рукописей Абдулгадаира Мараги были обнаружены уникальные документы - указы правителей, восхваляющих талант музыканта, а также автобиография в стихах, написанная Мараги в конце своей

жизни. Изучение этой рукописи позволило уточнить многие важные факты не только биографии, но и творчества выдающегося ученого-музыканта. Эти уникальные факты в дальнейшем были опубликованы.

Посвящая свое непроходимое свободное время любимому занятию - чтению и перечитыванию произведений средневековых поэтов Азербайджана и Ирана, исторических книг и толковых словарей прошлых веков на тюркском, арабском и фарси, А. Керимов сталкивался с многочисленными музыкальными терминами, именами музыкантов того периода и их биографиями.

Дело в том, что в далеком прошлом, раздел о музыке был необходимой составной частью различных философских и математических научных трудов, исторических хроник и энциклопедий, а музыкальная эрудиция восточных поэтов-классиков, знание теории музыки позволяла им выражать своё мировоззрение и создавать поэтические образы, используя музыкальные термины своего времени.

Это был ценный материал по истории восточной музыки, который привлекал внимание А. Керимова. Встречающиеся термины и их разъяснение он выписывал на отдельные листочки, в качестве материала для будущей книги - толкового словаря восточных музыкальных терминов прошлых веков.

Вместе с тем, будучи самокритичным и скрупулезным ученым, Керимов считал, что для придания словарю профессиональный, музыковедческий характер необходимо расширить краткие историко-литературные разъяснения; добавить музыкально-теоретические сведения, почерпнутые непосредственно из первоисточников - средневековых трактатов о музыке Фараби, Хорезми, Ибн Сины, Нишапури, Урмави, Ширази, Мараги, Джами, Ахмедоглу, Кантемира и других авторов прошлых веков.

Несмотря на большую занятость в сфере орнаментального искусства, у А. Керимова никогда не возникало сомнений по поводу возможности осуществления такого долгосрочного "музыкального" плана. Невероятная трудоспособность, разносторонность интересов, чувство юмора и любовь к жизни помогали ему преодолевать трудности и с оптимизмом смотреть в будущее.

Однако сильные переживания в связи с оккупацией армянами Карабаха и потерей в тот период родной Шуши, трагические события января 1990 года существенно подорвали его здоровье (он ушел из жизни в сентябре 1991 года) и надолго отсрочили издание словаря.